
КНИГА ДЕСЯТАЯ

1

Афинянин. После рассмотрения вопроса об оскорблениях ⁸⁸⁴ действием, постановим какое-нибудь такое узаконение, одинаковое для всякого рода насилия: никто не должен похищать ничего из чужого имущества, ни пользоваться чем бы то ни было из принадлежащего ближним, без разрешения на то со стороны владельца.

В самом деле: в зависимости от этого возникли, происходят и будут происходить все вышеуказанные бедствия. Из прочих бедствий величайшими являются распущенность и наглость молодежи; в особенности велико зло, если распущенность и наглость проявляются по отношению к святыням государственным или святыням, общим для филетов ⁹² и остальных тому подобных объединений. На втором месте и вторым по степени важности являются оскорбления, наносимые частным святыням и могилам. На ⁸⁸⁵ третьем месте стоит наглость по отношению к родителям; это следует отделять от вышеупомянутых оскорблений, когда такая наглость проявляется. Четвертый род наглости — когда человек, беззаботно относясь к правителям, станет похищать их вещи или пользоваться чем-либо, им принадлежащим, без их на то разрешения. На пятом месте можно поставить нарушение гражданских прав любого гражданина; это влечет за собою вызов в суд. Для каждого из этих случаев должен быть дан общий закон.

Мы уже разобрали вкратце вопрос о наказании за святотатство, ^в если оно проявляется в насильническом и тайном похищении священных предметов. Но какую кару должен понести человек, поскольку своими речами или поступками он оскорбляет богов — эту кару надо определить, основываясь на наставлении.

А это наставление будет таким: никто из тех, кто согласно с законами, верит в существование богов, никогда сознательно не совершает нечестивого дела и не высказывает беззаконного слова; человек это мог сделать в одном из следующих трех случаев: или, повторяю, если он не верит в существование богов, или — второй случай — хотя он и верит в их бытие, но отрицает их промысел над людьми, или — третий случай — человек полагает, будто боги преклонимы и могут быть умиливлены жертвами и молитвами.

с Клиний. Как же нам поступить с такими людьми? Что мы скажем?

Афинянин. Прежде выслушаем, дорогой мой, их самих. Я угадываю, что станут они шутливо говорить, в сознании своего превосходства над нами.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Вот что они, весьма возможно, сказали бы, поддразнивая нас: Афинский чужестранец, ты, лакедемонянин, и ты, кносиец, — вы говорите правду. В самом деле, некоторые из нас совершенно не признают богов, а другие признают богов именно такими, как вы говорите. Мы считаем справедливым, чтобы вы, прежде чем грозить нам суровыми карами, попробовали сперва, — как вы это сочли нужным сделать относительно законов, — убедить и наставить нас в том, что боги существуют и что они слишком благи, чтобы их можно было, вопреки справедливости, преклонить и прельстить какими-нибудь дарами. Ведь теперь мы слышим именно такое мнение или ему подобное со стороны признанных наилучшими поэтов, риторов, прорицателей, жрецов и бесчисленного множества других людей.

D

Поэтому большинство из нас обращает внимание вовсе не на то, чтобы не совершать несправедливостей, но мы стараемся только загладить совершенные проступки. Мы считаем справедливым, чтобы законодатели, заявившие себя кроткими, а не свирепыми, применили сперва путь убеждения по отношению к нам. Если вы будете говорить о существовании богов и немного лучше, чем говорят остальные, то все-таки лучше в смысле истинности. И — все может быть — мы легко дадим вам себя убедить. Однако, попытайтесь, если только мы не высказываем чего-либо несообразного, ответить на наш вызов.

E

Клиний. Но, чужестранец, не кажется ли, что легче доказать правоту тех, кто утверждает существование богов, вот каким образом —

Афинянин. Каким?

886

Клиний. Да прежде всего: земля, солнце, звезды, вся, вообще, вселенная, весь этот прекрасный распорядок времен года, все это подразделение на годы и месяцы; затем — все греки и варвары признают существование богов.

Афинянин. Боюсь я, голубчик, негодных людей — никогда не сказал бы я, будто я их стыжусь⁹³, — как бы они не отнеслись к нам с презрением. Ведь вы не знаете причины их отличия от вас; вы полагаете, что их души преданы нечестивой жизни только вследствие своей необузданности в наслаждениях и страстях. В

Клиний. Что же еще, чужестранец, кроме этого, могло бы быть причиной?

Афинянин. То, чего вы, живущие вовне⁹⁴, пожалуй, не знаете; это остается от вас скрытым.

Клиний. О чем это ты сейчас говоришь?

Афинянин. Какое-то чрезвычайно тяжкое невежество, кажущееся величайшей разумностью.

Клиний. Как понять твои слова?

2

Афинянин. У нас, афинян, есть письменно закрепленные сказания о богах, частью в стихотворной форме, частью в прозаической; их нет у вас, вследствие благого вашего государственного строя, насколько я могу судить. Самые древние из сказаний повествуют о происхождении первой природы неба и всех остальных вещей; вслед за этим началом, сказания вскоре переходят к происхождению богов и рассказывают о том, как боги, после своего происхождения, относились друг к другу⁹⁵. Хорошо ли, в известном отношении, влияют на слушателей эти сказания или нет, — в этом трудно укорять их, в виду их древности. Но я, по крайней мере, никогда не похвалил бы их, будто они полезны и способствуют попечению и почитанию родителей, или будто в них рассказывается действительная быль. С

D Однако, довольно о древних сказаниях; распростимся с ними, и пусть они постольку будут высказываемы, поскольку они любезны богам. Но зато пусть подвергнутся обвинению с нашей стороны сочинения молодого поколения и мудрецов, поскольку они являются причиной бед. Вот что влекут за собою сочинения подобных людей: мы с тобой, приводя доказательства существования богов, указываем на одно и то же, то есть на солнце, луну, звезды, землю, как на богов и нечто божественное, между тем как люди, переубежденные этими мудрецами, станут возражать: все это только земля или камни и, следовательно, вовсе E неспособно заботиться о человеческих делах. Приукрасив словами это положение, они делают его очень убедительным³⁶.

Клиний. Ты натолкнулся, чужестранец, на трудный довод, даже если бы он был только один; но таких доводов множество; поэто дело становится теперь еще труднее.

Афинянин. Что делать! Однако, как же нам ответить и как нам поступить? Станем ли мы говорить в свою защиту, точно нас обвиняет кто-либо из нечестивых людей, снующих вокруг законодательства? Они утверждают, будто мы совершили нечто 987 необычайное, так как мы законодательствуем в том убеждении, что боги существуют. Или мы распростимся с этими людьми и обратимся опять к законам, чтобы это наше вступление не вышло длиннее самих законов? Ведь изложение нашего учения вовсе не окажется кратким, если бы мы стали людям, стремящимся быть нечестивыми, отчасти доказывать сообразными доводами то, о чем, по их мнению, следует говорить, отчасти стали бы наводить на них страх, отчасти возбуждать в них отвращение ко всему тому, что того заслуживает, — и лишь после всего этого стали бы мы законодательствовать.

B Клиний. Но, чужестранец, мы часто, в течение короткого времени, высказывали именно ту мысль, что в настоящей беседе вовсе не надо предпочитать краткость речи ее пространности. Ведь, как говорится, никто за нами не гонится. Было бы смешно, да и скверно, если бы оказалось, что мы выбрали, вместо наилучшего, то, что покороче. А ведь очень важно, чтобы наши утверждения о том, что боги существуют, что они благи и что они несравненно более людей почитают правосудие, приобрели, так или иначе, некую убедительность. Это у нас было бы чуть ли

ни самым лучшим и наиболее прекрасным вступлением в защиту всех вообще законов. Итак, без всякого нетерпения и торопливости, ничего, по мере сил, не упуская, разберем достаточным образом этот важный вопрос и применим всю, какая у нас есть, силу убеждения.

3

Афинянин. К молитве побуждает, мне кажется, произнесенное сейчас тобою слово, — столько живого участия проявил ты! Нечего медлить долее! Да и в самом деле: кто без волнения сможет утверждать бытие богов? Не выносить и ненавидеть тех людей, что были и являются поныне причиной этих наших слов, — неизбежно. Эти люди не верят сказаниям, слышанным ими с малолетства, когда они еще питались молоком кормилиц и матерей, которые рассказывали им эти сказания то для забавы, то серьезно, точно в зачаровывающих песнях. Эти люди слышали эти сказания в молитвах при жертвоприношениях; они видели последующие зрелища, совершение которых очень приятно и для глаза и для слуха молодого человека. Они видели, как их родители с величайшим старанием относились к жертвоприношениям, как за самих себя, так и за них, обращаясь с молитвами и просьбами к богам и этим показывая свое глубокое убеждение в бытии богов. Они знают по наслышке, да и сами видят, что эллины и все варвары как при различных несчастиях, так и при благополучии преклоняют колени и повергаются ниц при восходе и при закате солнца и луны, показывая этим не только полную свою уверенность в бытии богов, но и то, что у них даже не возникает и сомнения в их бытии. Но, пренебрегши всем этим без единого достаточного основания, как это может признать всякий, у кого есть хоть немного разума, эти люди заставляют нас сейчас высказывать то, что мы говорим. Как же тут сможет кто-либо увещевать их кроткими речами, когда приходится, уча о богах, начинать с доказательства их бытия! Однако, отважмся на это! Ибо не следует, чтобы одни из нас неистовствовали из-за ненасытной страсти к наслаждениям, а другие — вследствие негодования на подобного рода людей. Так вот, обратимся хладнокровно

вно к людям столь испорченного образа мыслей с каким-нибудь таким наставлением. Станем говорить кротко, подавив свое негодование, точно мы разговариваем с одним из них: Дитя, ты еще молод. С течением времени тебе придется изменить многие из твоих теперешних взглядов на противоположные. Поэтому
В отложи до того времени свое суждение о столь важных предметах. Важнейшим же является, — о чем ты теперь вовсе и не думаешь, — то, чтобы человек, имея правильное понятие о богах, жил прекрасно, или нет. Не окажется ложью, если я тебе сделаю сперва одно важное замечание по этому поводу, именно: не ты один и не твои друзья первыми и впервые возымели подобное мнение о богах; всегда встречается большее или меньшее число людей, одержимых этой болезнью. Я был знаком со многими из них и
С вот что я сказал бы тебе: никто из тех, кто в юности держался такого мнения о богах, то есть, будто боги не существуют, никогда не сохранил до старости подобного образа мыслей. Две же другие напасти остаются, правда, не у большинства людей, а лишь у некоторых, — именно: будто боги, хотя и существуют, но не пекутся о человеческих делах; а затем и следующий взгляд: боги, хотя и заботятся, но легко преклонимы жертвами и молитвами. Если ты мне поверишь, то для тебя станет, насколько возможно, ясным это мнение о богах; ты отложишь подробное рассмотрение вопроса, обстоит ли дело так или иначе, и станешь
D наводить справки у остальных людей, а в особенности у законодателя. А тем временем не отваживайся ни на какое нечестие по отношению к богам. Тому же, кто дает для тебя законы, надо попытаться и теперь и повторно наставить тебя об истинном положении вещей.

Клиний. Все до сих пор сказанное, чужестранец, превосходно.

Афинянин. Совершенно верно, Мегилл и Клиний; но, незаметно для себя самих, мы натолкнулись на странное учение.

Клиний. О каком учении ты говоришь?

Е Афинянин. О том, которое большинство людей считает самым мудрым из всех учений.

Клиний. Выразись яснее.

4

Афинянин. Некоторые учат, что все вещи, происходящие, происшедшие и имеющие произойти, обязаны своим происхождением частью природе, частью случайности, частью искусству.

Клиний. Ну, и прекрасно.

Афинянин. Конечно, естественно, чтобы учение мудрых людей было правильно. Последуем же за ними и посмотрим, к какому образу мыслей приходят их последователи.

Клиний. Отлично.

889

Афинянин. Они говорят, что, повидимому, величайшие и прекраснейшие из вещей произведены природой и случайностью, а менее важное — искусством. Искусство получает из рук природы великие и первые произведения уже в готовом виде; оно лепит и обрабатывает лишь все менее важное — это мы все и называем предметами искусства.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Выразусь еще яснее так: огонь, вода, земля и воздух — все это, как утверждают, существует от природы и случая; искусство здесь ни при чем; в свою очередь и последующие тела — это касается земли, солнца, луны и звезд — произошли через посредство этих первооснов, совершенно неодушевленных. Эти первоосновы носились, каждая по присущей ей случайной силе, и там, где они сталкивались, они как-то друг к другу прилаживались: теплое к холодному, сухое к влажному, мягкое к твердому; словом, поскольку все неизбежно смешалось вместе путем случайного смешения противоположных первооснов, будто бы так-то вот и произошло все небо и все, что на небе, так же как и все животные и растения; отсюда будто бы произошла и смена времен года, а вовсе не через разум — так учат эти люди — и не через какое-либо божество или искусство, но будто бы, повторяем, происхождение всего этого обусловлено исключительно природой и случаем. Позднейшее же искусство возникло из них позднее; оно смертно само и возникло из смертных основ; оно возникло позднее, как некая забава, не слишком причастная истине, как некие образы, сродные друг

другу, какие порождает живопись, мусическое искусство и другие, соперничающие с ними, искусства. Стало быть, из искусств только те порождают что-либо серьезное, которые применяют свою силу сообща с природой, каковы, например, врачевание, земледелие и гимнастика. Ну, а в политике, утверждают они, разве E лишь незначительная какая-нибудь часть имеет общее с природой, бóльшая же часть — с искусством. Стало быть, и всякое законодательство, будто бы, обусловлено не природой, а искусством; вот почему его положения и далеки от истины ⁹⁷.

Клиний. Как ты говоришь?

Афинянин. О богах, дорогой мой, подобного рода люди утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а вследствие искусства и в силу некоторых законов, причем боги различны в разных местах сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства. Точно так же и прекрасным по природе является одно, а по закону — другое; справедливого же вовсе нет по природе; законодатели пребывают относительно него в разногласии и постоянно вносят здесь все новые и новые изменения. Эти изменчивые постановления законодателей, будто бы, являются для каждого определенного времени господствующими, причем возникают они благодаря искусству и определенным законам, а не 890 по природе. Вот все это-то, друзья мои, и высказывают мудрые люди, поэты ли они или прозаики, перед молодежью, выражая взгляд, что наиболее справедливым является то, когда кто насильно одержит верх. Отсюда внедряются в молодых людях нечестивые воззрения, будто нет тех богов, признавать которых предписывает закон. Из-за этого же происходят и смуты, так как каждый увлекает других к сообразному с природой правильному образу жизни, а такая жизнь, будто бы, поистине заключается в том, чтобы жить, одерживая верх над остальными людьми, а не находиться, согласно законам, в подчинении у других.

B Клиний. Какое учение изложил ты, чужестранец! Сколько здесь пагубного для молодежи, как в общественной жизни — в государстве, так и в частной жизни — в семьях!

Афинянин. Ты говоришь правду, Клиний. Так что же, по твоему мнению, должен сделать законодатель? Ведь такое поло-

жение вещей сложилось уже давно⁹⁸. Должен ли законодатель стать посреди города и только грозить всем людям: если они не признают существования богов и не будут считать богов именно такими, какими их признаёт закон — тоже и относительно прекрасного, справедливого и вообще о всем самом важном, что направляет к добродетели или к пороку — то, все равно, надо следовать указаниям, предписанным законодателем, как в своих мыслях, так и в действиях; кто же выкажет себя непослушным законам, так одного присудить к смертной казни, другого к побоям и тюрьме, третьего к лишению гражданских прав, прочих же наказать отобранием имущества в казну и изгнанием? Или надо, одновременно с установлением для людей законов, по возможности, смягчить свою речь при помощи убеждения?

Клиний. Разумеется, чужестранец, если представляется случай, хотя бы и незначительный, убедить людей в подобных вопросах, то законодатель, мало-мальски достойный, не должен вовсе считать это себе в тягость, но, наоборот, как говорится, кричать об этом во всеулышание, чтобы своим словом послужить древнему закону, доказать существование богов и вообще все то, что ты только что разобрал; притти на помощь самому закону и искусству и показать, что оба они возникают от природы, что они не меньше природы, хотя бы потому, что являются порождением разума, согласно тому, повидимому, здравому рассуждению, которое ты высказываешь сейчас, и в чем я с тобой согласен.

Афинянин. О, неутомимый Клиний! Как? Легко ли следовать за рассуждениями, предназначенными для широких толп, да к тому же бесконечно длинными!

Клиний. Что поделать, чужестранец! Если мы терпеливо выдержали наши столь пространные рассуждения об опьянении и о мусическом искусстве, то неужели мы не выдержим их, когда речь идет о богах и о тому подобном? Несомненно, это окажется величайшей помощью для законодательства, сопряженного с разумностью. Дело в том, что предписания относительно законов, будучи записаны, послужат в любое время изобличением и будут стоять непоколебимо. Поэтому не надо бояться, если их усвоение будет в начале затруднительно: кто непонятлив, тот сможет часто возвращаться к их рассмотрению. И не надо

бояться их пространности—лишь бы они были полезны. Вследствие этого у всякого человека, нет никакого основания не оказать, по мере сил, поддержки этим положениям; к тому же мне лично это представлялось бы даже нечестивым.

Мегилл. Чужестранец, мне кажется, Клиний совершенно прав.

В Афинянин. Да, он вполне прав, Мегилл; и надо поступить именно так, как он говорит. Ведь если бы подобные учения не были распространены между всеми, так сказать, людьми, то и не было бы нужды защищать учение о бытии богов. Но теперь это необходимо; и кому же более всего, как не законодателю, подобает притти на помощь величайшим законам, совершенно извращаемым дурными людьми?

5

Афинянин. Но повтори мне еще раз, Клиний — раз уже тебе приходится быть участником этих рассуждений — ведь приверженцы упомянутых учений, как кажется, смотрят на огонь, воду, землю и воздух, как на первоосновы всех вещей, и именно это-то они и называют природой. Душу же они выводят позже из них. Впрочем, вероятно, это не только так кажется, но и на самом деле подобный взгляд утверждается этим учением.

Клиний. Да, вполне определено.

Афинянин. Так вот мы и нашли, клянусь Зевсом, как бы источник бессмысленного мнения людей, касавшихся когда-либо исследований о природе. Рассмотрни внимательно и разбери все это учение! Было бы чрезвычайно важно, если бы оказалось, что приверженцы и заправили этих нечестивых учений вовсе не безукоризненно, но, наоборот, весьма ошибочно пользуются способами рассуждения. А мне именно и кажется, что это обстоит так.

Клиний. Хорошо сказано; но попытайся разъяснить, в чем их ошибка.

Афинянин. Повидимому, нам придется приступить к менее обычным рассуждениям.

Клиний. Но это не причина для колебаний, чужестранец.

Я понимаю, что ты думаешь, будто мы, коснувшись этого вопроса, выйдем за пределы законодательства. Но так как нет никакого другого способа заставить людей убедиться в правильности веры в богов, признаваемых теперь законом, то надо, друг мой, испробовать и этот путь.

Афинянин. В таком случае я высказал бы, вероятно, необычное рассуждение в таком роде: учения, под влиянием которых сложилась душа людей нечестивых, объявляют то, что служит причиной возникновения и гибели всех вещей, не первым, а возникшим позднее; то же, что на самом деле возникло позднее, они объявляют первым. Отсюда и проистекают их заблуждения относительно действительной сущности богов.

Клиний. Я еще не понимаю.

892

Афинянин. Что такое душа, друг мой, это, кажется, неведомо почти что всем людям—какова она, какое значение она имеет, каковы остальные ее свойства, в особенности же, каково ее возникновение, именно, что она является среди первых тел, так как она возникла прежде всех них, что она более, чем что-либо иное, властна над всякого рода изменениями и переустройствами тел. Раз дело обстоит так, то, не правда ли, необходимо, чтобы то, что сродно душе, являлось возникшим прежде того, что принадлежит телу, так как душа старше тела.

В

Клиний. Необходимо.

Афинянин. Следовательно, мнение, попечение, разум, искусство и закон были ранее жесткого, мягкого, тяжелого и легкого. Рано возникли и великие первые произведения и создания искусства, так как они существуют среди первооснов; а то, что обусловлено природой, и сама природа—впрочем, здесь это название неправильно применяют—возникло позднее из искусства и разума и подвластно им.

Клиний. В чем же эта неправильность?

Афинянин. Им угодно называть природою возникновение первооснов. Но если обнаружится, что душа-то именно и есть первооснова, а не огонь и не воздух, так как душа возникла среди первооснов, то, пожалуй, всего правильнее было бы сказать, что душа по преимуществу существует от природы. Так обстоит дело—если только кто докажет, что душа старше тела—и никак не иначе.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, не приступить ли нам затем к этому доказательству?

Клиний. Конечно.

- D Афинянин. Нам надо всячески остеречься, как бы это лукавое учение, подобающее лишь молодежи, не переубедило нас, стариков, и не поставило бы нас в смешное положение, ускользнув из наших рук; как бы не показалось, что мы промахнулись и в малом, тогда как метили в большое. Видите ли, если бы нам всем втроем надо было перейти стремительное течение реки, то я, как самый младший и опытный в переправах через
- E потоки, сказал бы, что сперва следует мне одному, самому по себе, попробовать переправиться, оставив вас в безопасном месте на берегу, и посмотреть, возможна ли здесь переправа также и для вас, людей более пожилых, или как вообще обстоит дело. Если переправа окажется возможной, то я тогда позвал бы вас и помог бы вам своею опытностью при переправе; если для вас переправа невозможна, то в таком случае опасности подвергся бы только один я. Такое предупреждение показалось бы уместным. Так вот точно так же и теперь: предстоящее рассуждение еще более стремительно, и переправа через него, пожалуй, почти что невозможна при ваших силах. Как бы у вас, людей непривычных к ответам, не закружилась голова и не потемнело в глазах при виде такого стремительного потока вопросов. Чтобы не случилось такой неподходящей и непристойной неприятности, мне кажется, я и теперь должен поступить именно так: вы будете в безопасности слушать, а я сперва буду задавать сам себе вопросы, а затем опять-таки сам и отвечать на них. Таким образом пройдем мы все это исследование, пока не будет закончен вопрос о душе и не будет доказано, что душа первее тела.
- 893

Клиний. Твое предложение, чужестранец, прекрасно; исполни же его.

6

- B Афинянин. Отлично. Но если когда нужно нам было призвать на помощь бога, так в особенности это надо сделать сей-

час, при создавшихся обстоятельствах. Итак, призовем со всяким рвением тех, бытие кого нам надо доказать! Держась за этот надежный причал, пустимся в открытое море нашего нынешнего исследования! Если меня станут избобличать следующими вопросами, то всего надежнее кажется мне отвечать следующим образом. Если кто спросит:

— Чужестранец, разве все стоит и ничто не движется? Или как раз наоборот? Или часть вещей движется, а часть пребывает в покое?

Я отвечу:

— Да, часть вещей движется, а часть пребывает в покое.

— Конечно, стоящие вещи стоят, а движущиеся движутся C
в каком-нибудь пространстве?

— Разумеется.

— При этом часть вещей делает это в каком-нибудь одном месте, а другая часть — во многих местах?

— Ты — ответим мы — разумеешь те из стоящих вещей, сила которых находится в центре, так что они движутся на одном месте, как, например, обращается окружность колеса, хотя о самом колесе говорится, что оно стоит.

— Да, мы понимаем, что при таком обращении окружности D
подобное движение, приводя во вращение и самый большой и самый малый круг, распределяется пропорционально величине этих кругов, так что оно то уменьшается, то увеличивается пропорционально им. Поэтому-то такое движение и служит источником всех удивительных явлений, сообщая одновременно и большим и, в то же время, малым кругам соответственную медленность или скорость обращения, между тем как иной стал бы ожидать, что это невозможно.

— Ты совершенно прав. Под предметами же, движущимися во многих местах, ты, мне кажется, разумеешь такие предметы, которые путем перемещения постоянно меняют свое место на новое и то приобретают себе основание в виде одного какого-нибудь центра, то вращаются вокруг многих. При каждом отдельном столкновении таких предметов с другими предметами E
происходит вот что: при столкновении с предметами стоящими, они раскалываются; при встрече же с другими предметами, несущимися с противоположной стороны в одну и ту же

точку, они становятся в центре, посреди таких тел, и тогда происходит соединение.

— Я согласен, что все бывает так, как ты говоришь.

— При соединении предметы увеличиваются, а при разъединении убавляются, когда установившееся в каждом из них состояние продолжает оставаться. Если же это состояние прекращается, то предметы погибают в силу обеих этих причин ⁹⁹.

⁸⁹⁴ Возникновение же всех предметов возникает при наличии какого состояния? Ясно, что это бывает тогда, когда начало примет приращение и переходит во вторичное изменение, а от него к ближайшему следующему; перейдя до трех изменений, оно становится восприимлемым для тех, кто обладает восприятием ¹⁰⁰. Так вот, путем таких изменений и перемен в движении и возникает все; это есть уже действительно сущее, коль скоро здесь появляется длительное пребывание. А при изменении в другое состояние оно совершенно погибает.

В Не правда ли, друзья мои, мы перечислили все виды движения, за исключением только двух.

Клиний. Каких двух?

Афинянин. Чуть ли ни тех видов движений, друг мой, ради которых мы и предприняли все нынешнее рассмотрение.

Клиний. Объяснись.

Афинянин. Не ради ли души предприняли мы его?

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так вот, одним из этих видов движений пусть будет такое движение, которое может приводить в движение другие предметы, а само себя — никогда не может. Другим же и опять-таки отдельным видом всех движений, будет такое, которое может приводить в движение всегда и себя и другие предметы при их приращениях и в том, что противоположно ^С приращению, в возникновении и в уничтожении.

Клиний. Пусть будет так.

Афинянин. А то движение, что постоянно движет другие предметы и само изменяется под влиянием других предметов, не установим ли мы, опять таки, как девятый вид движения? Движение, что движет и само себя и другие предметы и гармонирует со всякими действиями, со всякими состояниями, называют, по существу, изменением и движением всего суще-

ствующего; это движение мы обозначим, пожалуй, как десятый вид.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Из этих десяти видов движения, какое всего правильное было бы счесть за самое могущественное и по предмету действительное?

Клиний. Необходимо признать, что то движение, которое может приводить в движение само себя, неизмеримо превосходнее, а все остальные виды стоят на втором месте.

Афинянин. Хорошо. Следовательно, нам придется сделать одно или два изменения в том, что сейчас было не вполне правильно сказано.

Клиний. О каких изменениях ты говоришь?

Афинянин. Мы не вполне правильно, пожалуй, назвали этот вид движения десятым.

Клиний. В каком смысле неправильно?

Афинянин. Согласно нашему рассуждению, этот вид движения является первым, как по возникновению, так и по своей мощи; а тот вид, который только что назван девятым, будет после него вторым.

Клиний. Что ты разумеешь?

E

7

Афинянин. Вот что: если у нас один предмет производит изменение в другом, а тот другой, в свою очередь, всегда в третьем, то найдется ли из подобных предметов такой, который впервые произвел это изменение? Далее, каким образом предмет, движимый иным предметом, стал бы первым из переиначающих предметов? Ведь это невозможно. Зато когда предмет движет сам себя и переиначивает другой предмет, а этот другой — третий, и так далее, т. е. когда движение сообщается бесчисленному количеству предметов, то, в таком случае, неужели найдется какое-нибудь другое начало всего этого движения предметов, кроме изменения этого самого движущегося предмета?

895

Клиний. Ты совершенно прав; с этим надо согласиться.

Афинянин. Зададим себе еще такой вопрос, и сами же на него ответим: если бы все вещи, сейчас же после своего возникновения, были неподвижны, как это осмеливается утверждать большинство людей, то какого же рода движение, из перечисленных выше видов, необходимо должно было возникнуть первым среди них? Разумеется, такое, что движет само себя. В самом деле: до того времени оно не могло подвергнуться переменам, потому что до того в вещах вовсе не было перемены. Следовательно, началом всех видов движения, возникшим первым посреди стоящих вещей и посреди движимых, является, по нашему признанию, самодвижущееся, наиболее древнее и сильное из всех изменений; а вещь, переименовываемую другою вещью и приводящую в движение другие вещи, мы признаем вторичною.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Раз мы в нашем рассуждении дошли до этого места, то ответим вот на что.

Клиний. На что?

Афинянин. Если бы мы увидели возникновение этого первоначала в земляной, водяной или огнеобразной среде — все равно, в чистом ли виде эта среда или в смешанном, — то как бы мы назвали подобное состояние?

Клиний. Не о том ли ты меня спрашиваешь, назовем ли мы это жизнью, раз оно само себя движет?

Афинянин. Да.

Клиний. Жизнью — чем же иным?

Афинянин. Так что же, когда мы в чем-либо видим душу, то не должно ли согласиться с тем же самым, т. е., что это есть жизнь?

Клиний. Не иначе.

Афинянин. Запомни же, ради Зевса, это положение! Ты допускаешь, не правда ли, что о каждом предмете мы можем мыслить тройко?

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Во-первых, его сущность, во-вторых, определение этой сущности, в-третьих, его название. И обо всем существующем могут быть заданы два вопроса.

Клиний. Какие два?

Афинянин. Или когда предлагают название какого-либо

предмета, а спрашивают у нас его определение, или же, наоборот, предлагают его определение, а спрашивают его название. Не правда ли, нечто подобное хотим мы и теперь сказать?

Клиний. Чтò же именно?

Афинянин. Разделение на две равные части в других предметах, а также и в числе. Применительно к числу это получает название: чет. Определение же его: число, делящееся на две равные части.

Клиний. Да.

Афинянин. Вот на это-то я и хочу указать. Не правда ли, мы обозначаем одно и то же, как в том случае, когда у нас спрашивают определение, а мы даем название, так и когда у нас спрашивают название, а мы даем определение. Ведь мы обозначаем один и тот же предмет при помощи названия „четный“ и посредством определения „число, делящееся на две части“.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Каково же определение того, чему имя „душа“? Разве есть другое какое-либо определение, кроме только что высказанного: это есть движение, могущее двигать само себя?

Клиний. Как, ты утверждаешь, что „могущее двигать само себя“ есть определение той же самой сущности, которую мы все называем „душою“?

Афинянин. Да, утверждаю. А если это так, то станем ли мы считать, будто требуется еще что-нибудь для полного доказательства того, что душа есть то же самое, чтò и первое возникновение и движение вещей, настоящих, прошедших и будущих, а равным образом и всего, чтò этому противоположно, коль скоро выяснилось, что она является для всех вещей причиной изменения и всякого движения.

Клиний. Нет; вполне доказано, что душа старше всех вещей, так как стало ясно, что она возникла, как начало движения.

Афинянин. Не правда ли, движение, возникающее в другом предмете и никогда не представляющее ничего, чтò могло бы двигаться само в себе, является вторичным? Впрочем, все равно, которым бы его ни считать, лишь бы только признавать его одним из незначительных видов движения; это есть изменение действительно неодушевленного тела.

Клиний. Верно.

Афинянин. Значит, мы выразились бы правильно, вполне основательно, всего более согласно с истиной и наиболее совершенно, если бы сказали, что у нас душа возникла पहले тела, тело же — позже и является вторичным, так что власть принадлежит душе, а тело, по природе, должно находиться у нее в подчинении.

Клиний. Да, это вполне соответствует истине.

8

Афинянин. Вспомним же то, в чем мы согласились в предшествующих рассуждениях: если окажется, что душа старше тела, то и все относящееся к душе будет старше всего относящегося к телу.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Стало быть, характеры, нравственные свойства, хотения, умозаключения, истинные мнения, попечения и память возникли ранее, чем длина тел, их ширина, толщина и сила, раз душа पहले тела.

Клиний. Неизбежно.

Афинянин. Но после этого не необходимо ли будет согласиться, что душа является причиной блага и зла, прекрасного и позорного, справедливого и несправедливого и всяких других противоположностей, если только мы постановим считать ее причиной всего?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не необходимо ли признать, что душа, управляющая всем и живущая во всем, что как бы то ни было движется, управляет также и небом?

Клиний. Почему нет?

Афинянин. Одна ли или многие? Я отвечу за вас: многие. Ибо мы никак не можем предположить менее двух, т. е. одной благодетельной и другой, могущей совершать ей противоположное¹⁰¹.

Клиний. Ты совершенно верно выразился.

Афинянин. Прекрасно. Итак, душа руководит всем, что на

небе, на земле и на море, при помощи своих собственных движений, которых названия следующие: воля, рассмотрение, попечение, совет, мнение правильное и ложное, радость, скорбь, отвага, страх, ненависть, любовь; также при помощи всех родственников этим или изначала действующих движений, которые, в свою очередь, воспринимают вторичные движения тел и ведут все то к увеличению, то к уничтожению, то к разделению, либо к соединению, и к сопровождающему их теплу, холоду, тяжести, легкости, жесткости, мягкости, белому или черному, кислому или сладкому. Пользуясь всем этим, душа, будучи по существу божеством, к тому же восприняв постоянно божественный разум, пестует все для истины и блаженства. 894
Сойдясь же с неразумием, она производит все противоположное. В
Постановим ли мы, что все это так, или все еще будем находиться в сомнении, не обстоит ли это как-либо иначе?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Итак, какой род души признаем мы за господствующий над небом, землей и всем круговращением: разумный ли и полный добродетели, или же не имеющий ни того ни другого? Хотите ли вы, чтобы мы так ответили на этот вопрос — С

Клиний. Как?

Афинянин. Чудной ты человек, скажем мы, ведь если путь и перемещение неба, со всем существующим на нем, имеет природу, подобную движению, кругообращению и умозаключениям разума, если и то и другое идет родственным образом, то, очевидно, должно признать, что наилучшая душа имеет попечение о вселенной и ведет ее именно по такому пути.

Клиний. Правильно. D

Афинянин. Если же вселенная идет безумно и нестройно, то, очевидно, надо признать, что это — дело злой души.

Клиний. И это верно.

Афинянин. Какую же природу имеет движение разума? Вот на этот вопрос, друзья мои, уже трудно рассудительно ответить. Поэтому справедливо было бы, чтобы я помог вам при ответе.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Подобно тому как те, кто смотрит прямо на солнце, среди бела дня, чувствуют себя точно ночью, так и мы

не станем давать ответа, будто мы когда-либо сможем видеть разум смертными очами и достаточно познать его. Безопаснее мы сможем увидеть, если станем взирать на изображение того, о чем нас спрашивают.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Из десяти вышеперечисленных движений возьмем изображение того вида, к которому всего более приближается разум. Я напому вам этот вид и затем, сообщая с вами, дам ответ.

Клиний. Так будет всего лучше.

Афинянин. Из всего вышесказанного мы помним, между прочим, и то, как мы установили, что часть предметов движется, часть же пребывает в покое.

Клиний. Да.

398 Афинянин. В свою очередь, часть движущихся предметов движется на одном месте, часть же носится по многим местам.

Клиний. Так.

Афинянин. Из этих двух видов движений, то, которое совершается на одном месте, необходимо движется постоянно вокруг какого-то центра, как некое подражание волчку; оно-то и является во всех отношениях, насколько это только возможно, подобным и всего более близким к кругообращению разума.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Надеюсь, что мы не покажемся плохими творцами словесных изображений, если скажем, что оба, т. е. и разум и совершающееся на одном месте движение, на подобие выточенного волчка, движутся согласно одному и тому же началу, одинаковым образом, на одном и том же месте, вокруг одного и того же, сохраняя постоянное отношение к одному и тому же, по одинаковому основанию и с одинаковой последовательностью.

Клиний. Ты говоришь совершенно правильно.

Афинянин. Равным образом разве не было бы сродно всяческому неразумию движение, никогда не совершающееся одинаковым образом и согласно с одним и тем же началом, не на одном и том же месте, не вокруг одного и того же, без определенного отношения к одному и тому же, в беспорядке, без последовательности и без всякого основания?

Клиний. Совершенно верно, это было бы сродни неразумию.

Афинянин. Теперь уже вполне легко сказать с полной точностью, что раз душа производит у нас круговое вращение всего, то должно по необходимости признать, что попечение и упорядочение кругового вращения неба принадлежит благой душе; или же злой? C

Клиний. Чужестранец, из только что сказанного вытекает, что было бы даже нечестиво утверждать иное; нет, такое круговое вращение производит душа, обладающая всяческой добродетелью, единая или, может быть, их несколько.

Афинянин. Ты прекрасно понял мою мысль, Клиний. Обрати же еще внимание на следующее. D

Клиний. Что именно?

9

Афинянин. Если душа вращает все, то, очевидно, она же вращает и каждое в отдельности, т. е. и солнце, и луну, и остальные звезды.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Рассудим об одном из них; наши рассуждения окажутся применимы и ко всем звездам.

Клиний. О чем же?

Афинянин. Всякий человек видит тело солнца, душу же его никто не видит. Равным образом никто не видит души никакого другого тела из живых существ, ни живущего, ни умершего. Есть полная вероятность думать, что от природы этот род для нас совершенно не может быть воспринят никакими телесными восприятиями, но что он мысленно познаваем для одного только разума. Примем же, при помощи только разума и размышления, следующее положение относительно этого рода. E

Клиний. Какое?

Афинянин. Коль скоро душа вращает солнце, то мы вряд ли ошибемся, если предположим, что из трех возможных случаев она делает что-либо одно.

Клиний. Из каких трех?

Афинянин. Или она, находясь внутри этого кажущегося

круглым тела, заставляет его повсюду вращаться, подобно тому, как наша душа всячески движет нами; или же, по учению некоторых, она откуда-то извне добыла себе огненное или какое-либо воздушное тело и насильно теснит тело телом; или же, в-третьих, она сама лишена тела, но зато обладает какими-то иными удивительными силами и таким образом правит солнцем.

Клиний. Да, неизбежно, душа, совершая что-либо одно из этих трех видов, руководит всем.

Афинянин. Эту душу, все равно, возводит ли она солнце на колесницу, давая свет всем, или же действует извне, или же поступает каким-либо другим способом и другим путем, — всякий человек, должен считать лучше солнца и признавать богом. Не правда ли?

Клиний. Да, по крайней мере, тот, кто не дошел до последних пределов неразумия.

Афинянин. Относительно же всех звезд, луны, лет, месяцев, всех времен года, какое другое рассуждение приведем мы, как не то же самое, то есть: в виду того, что душа или души оказались причиной всего этого и, к тому же, они обладают всеми нравственными совершенствами, мы их признаём за божества, все равно пребывают ли они, как живые существа, в телах, или в другой какой-либо оболочке и другим образом управляют небом. Найдется ли человек, который, согласившись с этим, стал бы отрицать, что „все полно богов“? ¹⁰².

Клиний. Нет никого, чужестранец, настолько превратно мыслящего.

Афинянин. Закончим же, Мегилл и Клиний, это наше рассуждение и укажем пределы тому, кто раньше отрицал богов.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Ему придется доказать нам, что мы неправильно постановили считать душу за первое возникновение всего, а также и опровергнуть все то, что мы высказали вслед за этим положением; или же, если он не в силах сказать что-либо лучшее, чем сказали мы, то послушаться нас и жить прочее время жизни, признавая богов. Итак, посмотрим, достаточно ли для тех, кто отрицает богов, доказали мы бытие богов, или же кое-чего нам не достает?

Клиний. В высшей степени достаточно, чужестранец.

10

Афинянин. Итак, закончим на этом наше рассуждение. Нам приходится перейти к увещанию того человека, кто признает бытие богов, но отрицает их промысел над людскими делами. Дорогой мой, — скажем мы ему, — что ты признаешь богов, так это, может быть, некоторое божественное сродство между твоей и их природой ведет тебя к почитанию и признанию бытия богов. Однако, тебя ведет к нечестию участь как частная, так и общественная, злых и несправедливых людей. Эта участь ^Е далека, поистине, от счастья; между тем, она считается, хотя и неправильно, в высокой степени счастливой, согласно общепринятому мнению; ее воспевают недолжным образом в произведениях муз и во всевозможных речах. Или тебя, может быть, приводит в смущение зрелище того, как нечестивые люди доживают в глубокой старости до предела своей жизни, оставляют детей своих среди величайших почестей; может быть, ты ⁹⁰⁰ видел все только что указанное, по наслышке знал, или же, наконец, сам случайно был очевидцем ужасных и многочисленных нечестивых поступков, чрез которые многие люди из низкого звания достигали величайших почестей и даже тираннии. Вследствие всего этого ясно, что ты, не желая, по причине своего сродства с богами, бросать упреки им, будто они являются виновниками этого, дошел до нынешнего твоего состояния под влиянием какого-то недомыслия и не находишь в себе сил негодовать на богов, то есть, ты признаешь их существование, ^В но думаешь, что они свысока и с небрежением относятся к человеческим делам. И вот, чтобы нынешнее твое мнение не уклонилось в сторону нечестия и не дошло до более болезненного состояния, мы, если только можно каким-либо образом найти в себе силы загладить, при помощи речей, точно очистительной жертвой, привходящее сюда нечестие, попытаемся, соединив дальнейшее рассуждение с тем, которое мы рассмотрели от начала до конца, обращаясь к непризнающему совершенно бытия богов, воспользоваться им и в настоящем случае. Ты же, Клиний, и ты, Мегилл, отвечайте, подобно тому, ^С как и в предшествующих рассуждениях, за молодого человека

Если же внезапно представится какая-либо трудность при рассуждении, то я замещу вас и переведу через реку.

Клиний. Ты прав. Поступай именно так, а мы тоже, по мере сил, станем поступать, как ты говоришь.

Афинянин. Доказать, что боги пекутся о малом не менее, чем о выдающемся своею величиной, это, пожалуй, будет совсем нетрудно. Ведь наш противник присутствовал здесь и выслушал только-что сказанное, т. е., что боги благи в смысле всех добродетелей, и, значит, им в высшей степени свойственно иметь попечение обо всем.

Клиний. Конечно, он слышал это.

Афинянин. Далее, исследуем все вместе, о какой добродетели говорили мы, когда согласились, что боги благи. Не правда ли, мы признаём, что здравомыслие и обладание разумом относится к добродетели, а все противоположное — к пороку?

Клиний. Признаём.

Афинянин. Что же еще? Мужество не принадлежит ли к добродетели, а трусость к пороку?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не назовем ли мы первое прекрасным, а второе позорным?

Клиний. Необходимо.

Афинянин. И что одно подобает нам, т. е., то, что дурно; о богах же мы скажем, что они не причастны этому ни в малой, ни в большей степени?

Клиний. Всякий согласится, что это так.

Афинянин. Так в чем же дело? Небрежение, праздность и негу поместим ли мы в число добродетелей души? или как по твоему?

Клиний. Как можно!

Афинянин. Значит, ты отнесешь все это к противоположному?

Клиний. Да.

Афинянин. А то, что противоположно этому, — к противоположному?

Клиний. Да, к противоположному.

Афинянин. Так, что же? Не правда ли, всякий пребывающий в праздности, неге и небрежении, кто, по выражению

поэта, в высшей степени похож на лишенных жала трутней¹⁰³ и в самом деле таков?

Клиний. Это сравнение в высшей степени верно.

Афинянин. Поэтому не должно говорить, будто бог имеет такие нравственные свойства, которые ему самому ненавистны; и если кто-либо попытается высказывать что-нибудь подобное, то этого нельзя допустить.

Клиний. Конечно, нет. Как можно это допустить!

Афинянин. На каком основании стали бы мы хвалить, не впадая притом в самые грубые ошибки того, кому приличествует, предпочтительно перед всеми, действовать и заботиться, если его разум заботится о великом, а о малом небрежет? Рассмотрим это следующим образом: не правда ли, тот, кто это делает, бог ли он или человек, действует по двум причинам?

Клиний. По каким двум?

Афинянин. Или он полагает, что для целого не будет никакой разницы, если малое находится в небрежении, или же, если разница есть, то он не заботится из-за нерадения и неги. Или, может быть, есть какие-либо другие причины небрежения? Ведь если действительно невозможно иметь попечение обо всем, то это уже не будет небрежением со стороны того, кто не печется о малом или о великом, т. е., когда бог или какое-либо низшее существо, по своим силам, оказываются не в состоянии иметь попечение об этом.

Клиний. Не иначе.

11

Афинянин. Ныне же пусть отвечают нам троим оба наши противника; они согласны признать бытие богов, но один утверждает, что боги преклонимы, другой же, что они небрегут о малом. Прежде всего признайте оба, что боги знают, видят и слышат все, и ничто не может от них укрыться из всего того, что воспринимаемо. Допускаете ли вы, что это так, или не допускаете?

Клиний. Да, так.

Афинянин. Что же дальше? Признаете ли вы, что боги могут делать все, что только могут смертные или бессмертные?

Клиний. Как же не согласиться, что и это так?

Афинянин. Мы все впятером согласились, что боги благи, **Е** и даже в высшей степени благи.

Клиний. Вполне.

Афинянин. Но если они таковы, каковыми мы их признали, то уже невозможно, не правда ли, признавать, что они делают что-либо с нерадением и негой: ведь в нас праздность есть порождение трусливости, а нерадение — праздности и неги.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Никто из богов не небрежет по нерадению и праздности, ибо в них совершенно нет трусливости.

Клиний. Вполне правильно.

902 Афинянин. Значит, остается только то, что если боги небрегут о малом и незначительном во вселенной, то они поступают так в сознании, что вообще не должно иметь попечение ни о чем таком. Или им остается еще что-либо, кроме как раз обратного сознания, т. е., необходимости попечения?

Клиний. Ничего иного.

Афинянин. Итак, не предположить ли нам, о достойнейший и превосходнейший наш противник, что ты утверждаешь одно из двух: или что боги находятся в неведении и, вследствие этого неведения, небрегут и не заботятся о своем долге, или же сознают свой долг, но не исполняют его, на подобие самых презренных людей, которые, как говорится, знают, что́ нужно делать, но, однако, по причине какой-то подверженности наслаждениям **В** или скорбям, не делают этого.

Клиний. Что же иное?

Афинянин. Не правда ли, человеческие дела причастны одушевленной природе, а равным образом и человек есть самое благочестивое из всех живых существ?

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Мы признаём, что все смертные существа, равно как и все небо, есть достояние богов.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Пусть же теперь кто угодно утверждает, будто наши человеческие дела являются малыми или великими для богов. И в том и в другом случае нашим в высшей степени

благим и заботливым владельцам не следовало бы не иметь о нас попечения. Рассмотрим к тому же еще вот что.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Относительно восприятия и значительности. Не правда ли, они от природы противоположны друг другу в отношении легкости и трудности?

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Видеть или слышать малое труднее, чем большое; наоборот, для всякого нести малое и незначительное, управлять им, иметь попечение о нем легче, чем о противоположном.

Клиний. Гораздо легче.

Афинянин. Если врачу, желающему и могущему лечить, будет поручен весь организм целиком, а он станет заботиться только о большом, а незначительными частностями пренебрежет, то в хорошем ли состоянии окажется весь организм?

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Точно так же ни у кормчих, ни у военачальников, ни у домохозяев, ни у каких бы то ни было государственных деятелей, вообще ни у кого из подобного рода людей не окажется ничего великого или многого, если они пренебрегут малым или незначительным. Ибо, как говорят каменщики, большие камни не лежат хорошо без малых.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Не будем же полагать, будто бог стоит ниже смертных ремесленников, которые чем лучше сами, тем более тщательно и совершенно, посредством одного искусства, исполняют и малые и большие, свойственные им, работы. Неужели же бог, существо в высшей степени мудрое, желающее и могущее иметь попечение, вовсе не печется о малых предметах — между тем как именно потому, что они малы, тем легче попечение о них, — а только о великих, на подобие человека праздного или труса, падающего духом при виде трудов?

Клиний. Мы никоим образом не примем такого мнения о богах, чужестранец. Ибо подобный образ мыслей был бы во всех отношениях нечестив и не соответствовал бы истине.

Афинянин. Мне кажется, что любителю упрекать богов в небрежении мы теперь вполне уже доказали его неправоту.

Клиний. Да.

Афинянин. Поскольку мы принудили его нашими доказательствами признать, что он неправ. Однако, мне кажется, что он нуждается еще кое в каких зачаровывающих сказаниях.

Клиний. В каких именно, друг мой?

12

Афинянин. Станем убеждать юношу следующими доводами: тот, кто имеет попечение обо всем, устроил все, имея в виду спасение и добродетель целого, причем, по возможности, каждая часть терпит или совершает то, что ей надлежит; над каждой из этих частей, вплоть до наименьших делений, поставлен правитель, который ведаёт малейшими активными и пассивными состояниями, имея в виду конечную цель. Одно из таких существ направляет даже твою, о жалкий человек, крошечную часть так, что постоянно имеет перед глазами все целое. Ты и не замечашь, что все, что возникло, возникает ради всего целого, так чтобы осуществилось присущее жизни всего целого блаженное бытие, возникающее не ради тебя, а, наоборот, ты ради него. Ибо всякий врач, всякий искусный ремесленник, все делает ради всего целого и направляет все к общему благу; он занимается частью ради целого, а не целым ради части. Ты же досадуешь, не зная, как согласуется то, что для тебя является, в силу общего возникновения, самым лучшим, со всем целым и с тобою самим. Затем, так как душа соединяется то с одним телом, то с другим, и испытывает всевозможные изменения через самое себя или же через другую душу, то ему, как игроку в шашки, не остается ничего другого, как только перемещать характер, ставший лучшим, на лучшее место, а ставший худшим, на худшее, как то причисляет каждому из них, так чтобы каждому достался подобающий ему удел.

Клиний. В каком смысле ты говоришь?

Афинянин. Мне кажется, я говорил так для того, чтобы вполне доказательна была та легкость, с которой боги пекутся обо всем. Ведь если бы кто стал преобразовывать и творить все, не обращая внимания на целое, например, сотворил бы из

огня одушевленную воду, из одного многое или из многого 904
одно, то путем первого, второго третьего возникновения полу-
чилось бы бесконечное множество перемен и переустройств.
Ныне же это удивительно легкое дело для того, кто имеет
попечение обо всем.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Вот что: так как царь видел, что все наши ра-
боты одушевлены и что в них много добродетели, но много и
порока, и что то, что раз возникло, т. е. душа и тело, уже не
погибает, хотя оно и не вечно, как боги, признаваемые законом,—
ведь если бы или душа или тело погибли, то не было бы воз- B
никновения живых существ,— так как он заметил, что все, что
есть в душе доброго, от природы всегда полезно, а злое всегда
вредно, то, обратив внимание на все это, он и придумал такое
место для каждой из частей, чтобы всего более, легче и лучше
побеждала во вселенной добродетель, а порок был бы побежден.
Для всего этого он придумал и то, какое местопребывание
должно переменить и какие места должно населять все, что
возникает. Однако, причины, производящие качественную в нас
перемену, он предоставил воле каждого из нас, ибо, согласно C
с предметом своих желаний и качеством своей души, каждый
из нас, по большей части, становится таким, а не иным, в каждом
определенном случае.

Клиний. Это естественно.

Афинянин. Итак, все, что причастно душе, изменяется, так
как заключает в самом себе причину изменения; и при этом
изменении все перемещается, согласно закону и распорядку
судьбы. То, что меньше изменяет свой нрав, движется по плоской
поверхности; то же, что изменяется больше и притом в сторону
несправедливости, падает в бездну и попадает в те места, о
которых говорят, что они находятся внизу, и которые называют D
Аидом и тому подобными именами; их люди сильно боятся, они
им мерещатся, как при жизни, так и после отрешения от тела.
Если же душа, по своей ли собственной воле или под сильным
чужим влиянием, изменяется в сторону большей добродетели
или порока, то, в первом случае, она, соединившись с божес-
твенной добродетелью, становится в высшей степени божествен-
ною и меняет прежнее свое место на новое, выдающееся, все-

Е цело святое и лучшее. В противном же случае она переносит свою жизнь в подобающее ей место.

„Вот каково правосудье богов, на Олимпе живущих“ ¹⁰⁴.

[Одисс. XIX, 43].

А тебе, юное дитя мое, кажется, что боги не пекутся о тебе. Если ты станешь худшим, то отправишься к дурным душам, если же — лучшим, то к лучшим душам. Вообще, и при жизни и при смерти, кто на что похож, тот то и терпит или делает, как оно и надлежит. Ни ты, ни кто-либо другой, впавший в подобное же несчастье, не сможете похвалиться, будто стоите выше этого правосудия богов. Те, кто устанавливали порядок вселенной, установили и это правосудие преимущественно перед всеми другими видами правосудия; поэтому надо со страхом почитать его. Ибо оно всегда будет иметь попечение о тебе; все равно так ли ты мал, что можешь погрузиться в глубины земли, или так высок, что можешь подняться до неба, — ты понесешь назначенное богами наказание, оставаясь ли здесь, или будешь
 В переправлен в Аид, или в еще более лютое место ¹⁰⁵. То же самое относится и к тем, которые, на твоих глазах, посредством нечестивых или тому подобных поступков, из людей незначительных стали великими и, по твоему мнению, из людей несчастных — счастливыми. И ты думал, будто в их поступках, как в зеркале, можно усмотреть небрежение богов обо всем! Но ты не знал, что и эти люди тоже обязаны уплатить дань в этом отношении, что и они согласуются со вселенной; каким же образом ты, мужественнейший из людей, можешь, держаться такого
 С мнения, будто тебе не должно знать этого правосудия? Кто его не знает, тот никогда не найдет образца для своей жизни и не окажется в силах дать себе отчет в том, что ведь жизнь способствует счастливой или несчастной доле. Если вот этот Клиний и весь наш совет старейшин убедили тебя в том, чего ты сам не знал, когда говорил о богах, — то это сам бог превосходным образом пришел тебе на помощь. Если же ты еще нуждаешься в каком-либо доказательстве, то выслушай, что мы станем говорить третьему нашему противнику, если хоть сколько-нибудь
 D имеешь ума. Я сказал бы, что мы не так уже плохо доказали бытие богов и их попечение о людях. Но мы не можем ни с кем

согласиться и будем всеми возможными способами опровергать тот взгляд, будто боги принимают дары и могут быть умиловлены со стороны людей неправедных.

Клиний. Прекрасно сказано. Сделаем же так, как ты говоришь.

13

Афинянин. Ради самих богов, давай рассмотрим, каким способом они могли бы быть умиловлены, если только это вообще возможно. E

Кто они или каковы они? Те, кто действительно управляет всем небом, необходимо становятся его правителями?

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Но кому из правителей они подобны, или кто им подобен? Ведь мы легче можем сравнивать меньшее с большим. Не возникли ли, управляющие состязающимися колесницами, не кормчие ли судов подобны им? Возможно, что они сходны с полководцами; их можно было бы сравнить с врачами, которые относительно тела держатся настороже, опасаясь борьбы со стороны болезней; или с земледельцами, которые со страхом ожидают обычных, неблагоприятных для произрастания растений, времен года; или же с пастырями стад. Так как мы согласились сами с собой, что небо полно многих благ, но также — впрочем, не в большом числе — и зол ¹⁰⁶, то, утверждаем мы, и происходит нескончаемая борьба между ними, требующая чрезвычайной бдительности. Наши союзники — это боги, а равным образом и демоны, мы же, в свою очередь, — достояние богов и демонов. Нас губит несправедливость и наглость с недомыслием, спасает же справедливость и здравомыслие с разумностью. Эти добродетели живут в одушевленных силах богов; в нас же живет лишь малая часть их, как это всякий явственно может усмотреть вот из чего: очевидно, что некоторые зверообразные, обладающие неправедной корыстью, живущие на земле души припадают к душам стражей, собак ли, пастухов ли или самых даже высоких владык, и убеждают их посредством лживых слов или каких-либо обетов и заклинаний — как это утверждает распро- B

странное мнение дурных людей, позволить им преуспевать в корыстолюбии среди людей — и не подвергаться ничему тяжкому. Мы утверждаем, что только что упомянутое прегрешение, т. е. корыстолюбие, в плотских телах называется болезнью, во времена года — мором, в государствах же и в государственных устройствах оно меняет облик своего имени и называется несправедливостью.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Тот, кто говорит, будто боги всегда готовы простить людей несправедливых и творящих несправедливые поступки, лишь бы им кто-нибудь уделил часть из своей неправедной добычи, необходимо должен говорить так: если бы волки уделяли малую часть своих хищений собакам, то те, будучи укрошены дарами, позволили бы расхитить стадо. Не таково ли рассуждение тех, кто утверждает, что богов можно умиловить?

Клиний. Именно таково.

14

Афинянин. В таком случае, кто из людей не вызвал бы смеха, сравнивая богов с какими-нибудь из вышеупомянутых стражей. Не с кормчими ли, которые, будучи подкуплены возлиянием вина и туком жертв, губят и корабль и корабельщиков?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Не с возничими ли, состязающимися друг с другом, которые, будучи подкуплены дарами, предоставили бы победу другим запряжкам?

Клиний. Дикое сравнение употребил бы ты, защищая это положение!

Афинянин. Ни с полководцами, ни с врачами, ни с земледельцами, ни с пастухами, ни тем паче, с собаками, которых заморозили волки...

907 Клиний. Перестань злословить, как это можно!

Афинянин. Не являются ли все боги величайшими из стражей и не охраняют ли они самое великое?

Клиний. Бесспорно.

Афинянин. Поставим ли мы в отношении добродетели ниже собак или средних людей, — которые никогда не изменят справедливости ради даров, нечестивым образом предлагаемых со стороны неправедных людей, — тех, кто охраняет прекраснейшие вещи и в бдительности превосходит всех?

Клиний. никоим образом. Подобное утверждение неприемлемо, а того, кто держится подобного мнения, по всей справедливости можно счесть чуть ли не за самого скверного и самого нечестивого из всех нечестивых.

Афинянин. Скажем ли мы, что теперь достаточно доказаны выставленные раньше три положения, а именно: существование богов, их промысел и их полнейшая непреклонность к несправедливости?

Клиний. Как же иначе? Мы согласны с этими доказательствами.

Афинянин. Они были высказаны как-то более резко, вследствие склонности дурных людей к спорам. Этот спор, дорогой Клиний, был поднят ради того, чтобы дурные люди не подумали когда-либо, будто в доказательствах победа на их стороне, а потому они имеют возможность делать, что хотят, в соответствии с тем, что и как они думают о богах. Вследствие этого у нас в наших речах возникло почти юношеское рвение. Если мы хоть отчасти принесли пользу для того, чтобы как-нибудь убедить подобного рода людей возненавидеть самих себя и возлюбить противоположный образ мыслей, то в таком случае наше вступление к законам о нечестии сказано удачно.

Клиний. По крайней мере, можно на это надеяться. Если же и нет, то все равно, и подобный род рассуждения нельзя поставить в упрек законодателю.

Афинянин. Вслед за вступлением мы можем выставить требование, — которое правильно истолковывало бы законы, — повелевающее нечестивым изменить свой образ жизни на благочестивый. Для ослушников же пусть будет следующий закон о нечестии: если кто-либо скажет или сделает что-либо нечестивое, то всякий присутствующий при этом должен воспротивиться и донести правителям; из правителей же те, кто первые узнают об этом, должны, согласно с законами, привести виновных в суд. назначенный для разбора этого рода дел. Если же какое-либо

должное лицо, будучи извещено, не сделает этого, то всякий, желающий заступиться за законы, может привлечь его к суду. Если кто окажется виновным, то суд должен назначить соответствующее наказание за каждый отдельный проступок людей нечестивых. Всякий виновный должен быть задержан. Тюрем в государстве будет три: одна на площади, общая для большинства задержанных, ради охранения личной безопасности большинства; другая тюрьма — невдалеке от места заседаний Ночного Собрания — будет называться софронистерием; третья же — посреди страны, в каком-нибудь пустынном и совершенно диком месте — получит название, выражающее понятие наказания. Так как люди становятся нечестивыми по трем упомянутым нами причинам, и каждая такая основная причина производит два разряда людей, то всего получилось бы шесть различных родов людей, заблуждающихся в божественном. Они требуют различных и неравных наказаний. Ибо те, кто совершенно отрицают существование богов, но от природы обладают справедливым характером, ненавидят дурных людей и, вследствие глубокого отвращения к несправедливости, не имеют склонности к совершению подобных проступков, избегают людей несправедливых, а справедливых любят. Другой же разряд — это те, у кого к мнению, будто вселенная лишена богов, прибавляется невоздержанность в наслаждениях и скорбях, хотя они и обладают сильной памятью и прекрасными способностями. Общая болезнь и тех и других — та, что они не признают богов; но первые производят меньше зла, чем вторые, на пагубу остальных людей. Ибо первые в своих речах полны всякого дерзновения относительно богов, жертв, клятв и смеются над всем остальным; они, быть может, сделали бы и других людей такими же, если бы их не настигло во время правосудие. Другие держатся того же мнения, что и предыдущие, слышат за людей богато одаренных, но полных коварства и козней. Из этого-то рода людей и выходят многие прорицатели, люди, занимающиеся всяческой ворожбой, а иногда и тиранны, демагоги, полководцы, составители заговоров при помощи частных тайнств, а также и изощрений так называемых мудрецов. Разновидностей подобного рода людей много. Но законоположения достойны два вида: одни из них, именно лицемеры, заслу-

живают более, чем одну или две смертных казни; другие же нуждаются в увещании и тюремном заключении. Точно так же взгляд, отрицающий промысел богов, порождает также два вида; в свою очередь и мнений, будто боги преклонимы, — тоже два. В виду этой разницы между ними, судья, опираясь на закон, должен присудить тех, кто впал в нечестие по неразумию, а не по злему влечению и характеру, к заключению в софронистерий не меньше, чем на пять лет. В течение этого времени никто из граждан не должен иметь к ним доступа, кроме участников Ночного Собрания, которые будут его увещевать и беседовать с ним ради спасения его души. Когда же истечет срок заключения, то тот из них, кто окажется здравомыслящим, пусть получит свободу и живет с людьми здравомыслящими. В противном же случае, т. е., если он снова заслужит подобное наказание, его должно наказать смертью. Тем же, которые, кроме того, что не признают богов и их промысла или считают их преклонимыми, вдобавок еще становятся зверообразными и, презирая людей, обольщают большую часть их при жизни, уверяя, будто могут вызывать души умерших, и, обещая преклонить богов посредством жертв, молитв, заклинаний и колдовства, пытаются, ради денег, в корне развратить как отдельных лиц, так и целые дома и государства, — тем, кто окажется виновным в чем-либо таком, пусть суд назначит наказание в виде заключения в тюрьму, находящуюся посредине страны. Никто из свободных никогда не должен к такому человеку приходиться; назначенную ему законохранителями пищу он должен получать от рабов. В случае смерти тело его выбрасывается непогребенным за пределы страны. Если же кто-нибудь из свободных людей погребет его, то желающий может привлечь его к суду за нечестие. Если он оставит после себя детей, пригодных для государства, то попечители о сиротах пусть позаботятся о них, как о настоящих сиротах, и притом не хуже, чем об остальных, начиная с того дня, как их отец подвергся осуждению.

Кроме всего этого, надо постановить еще один общий закон, который, запрещая богослужения, не предусмотренные законом,

заставил бы многих меньше погрешать на деле и на словах по отношению к богам и стать более разумными. Попросту говоря, вот какой закон должен касаться всех: пусть никто не сооружает святилищ в частных домах. Если же у кого явится намерение принести жертву, то пусть он идет в общественные храмы и там принесет ее, вручив свое приношение жрецам или жрицам, которые заботятся о чистоте жертв. К их молитвам пусть он присоединит свои, а также и всякий желающий помолится вместе с ним. Так должно быть по следующим причинам. Устанавливать святилища и богов нелегко; правильно делать это возможно только по зрелом размышлении. Между тем преимущественно у всех женщин, у людей больных, подвергающихся опасности или каким-либо лишениям, а также и в противном случае, т. е., когда на долю их выпадет какое-либо благополучие, есть повсюду обычай посвящать то, что они в данное время имеют, богам, демонам и детям богов, причем они дают обеты и обещают принести жертвы или соорудить святилища; точно так же те, кто на яву или во сне видел призраки, вспоминая также многочисленные видения, сооружают каждому из них алтари или святилища, как средство для своего спасения; они наполняют алтарями и святилищами все дома, все поселки, сооружая их на местах чистых или где придется. Ради всего этого и надо поступать сообразно только что указанному закону, а кроме того, и ради людей нечестивых, чтобы они не совершали этого тайно, т. е., не сооружали бы тайком святилищ и алтарей в частных домах, и, полагая, будто богов можно умиловить жертвами и мольбами, не дошли бы до последних пределов несправедливости и, таким образом, не навлекли бы осуждения богов на себя, а так же и на тех, кто лучше их, но попускает им совершать это, и чтобы таким образом все государство не подверглось, по справедливости, участи людей нечестивых. Законодателя же бог не станет порицать. Поэтому пусть будет постановлен такой закон, т. е., не иметь в частных домах святилищ богов. Если же обнаружится, что кто-либо имеет и тайно почитает другие святилища, а не общественные, в случае если виновный, — мужчина ли он или женщина, — не совершил никаких великих и нечестивых проступков, пусть тот, кто это заметил, известит законохранителей, а те пусть распорядятся перенести

частное святилище в общественное, ослушника же пусть накажут, пока он этого не сделает. Если же обнаружится, что кто-либо совершил не детский какой-либо нечестивый поступок, но свойственный взрослым людям, все равно воздвиг ли он святилище в частном доме, или же в общественном храме приносил жертвы каким-либо богам, то его, так как он не был чист при совершении жертвоприношения, должно приговорить к смерти. Законохранители, обсудив, детское ли это нечестие или нет, и препроводив виновного в суд, должны привести в исполнение установленное за нечестие наказание.
